

Жан Рено:

Собеседник - 2006 - 7-13
Иванов (nd) - Gdd.

Бык Брауна списан с меня

С Томом Хэнксом Рено представлял «Код» в Японии...

Самый скандальный фильм, снятый по самой скандальной книге последнего времени, порождает до безобразия противоречивые отклики. Одни безоговорочно восторгаются творением Рона Ховарда, искренне считая, что ничего лучше невозможно было снять. Другие смешивают картину с грязью, заявляя, что и книга-то так себе, но фильм до такой степени чудовищно скучен, что его можно было бы выдавать в аптеках как средство от бессонницы.

Факт же в том, что истерия вокруг «Кода да Винчи» приводит в кинозалы все новых людей. И хорошо бы, чтобы они поверили словам Жана Рено, с которым мы поговорили под конец Каннского кинофестиваля: есть только интересная история — и ничего больше.

С Шираком мы только посмеялись

— Жан, вас, как человека, воспитанного на католической религии, не смущает столь негативная реакция церкви на фильм?

— Нисколько. Более того, она мне непонятна. Этот фильм — сплошная фикция. Ни разу за время съемок мы не говорили на религиозные темы. Вопреки полемике, которая развернулась после выхода книги, в картине религия не ставится под вопрос. Есть просто интересная история, и именно ее я вижу в первую очередь. Для меня это хороший триллер. И прекрасная роль, с которой я, по-моему, неплохо справился.

— Вы переиграли много полицейских. Этот отличался от предыдущих?

— Вначале я не совсем представлял свою роль, потому что давно, в молодости, читал о деятельности «Opus Dei». Я понимал, что это должен быть человек, который свято верил в то, что делал. В его характере большое место занимают кодекс чести и моральная этика. Церковь прямо говорит: это делай, а это — ни в коем случае. На этом я и строил образ своего героя. И, по-моему, он совершенно не походит на старого полицейского, которого я играл в «Империю волков», или стража порядка из «Багровых рек».

— В этот раз он у вас получился еще мрачнее.

— Каким и должен быть капитан полиции — скучный и угрюмый! (Смеется.) Он рассле-

довал дело и строил свои рассуждения на вере, а не на уверенности. И когда был предан, испытал сильнейший психологический шок, который я попробовал показать, несмотря на то, что это нетипично для гол-

вейник. Все спуют. Сколько раз там был, а вот забыл, что «Мона Лиза» совсем маленькая. Ее нельзя было бы считать красавицей сегодня, но она все еще очень привлекательна. Ее взгляд следует за тобой повсюду — это поразительно! Мы с Томом часто задерживались у картин, пока нас оттуда не оттягивали продолжать съемки.

— Вы быстро вошли в контакт с Томом Хэнксом?

— Том принадлежит к той редкой категории актеров, одно только присутствие которых потрясает. Скажу правду: я был восхищен им. Он удивительно

Этот фильм — сплошная фикция. Ни разу за время съемок мы не говорили на религиозные темы.

ливудских фильмов. Больше всего удивило, когда Дэн Браун признался мне, что писал капитана Фаша по кличке Бык с меня. Наверное, поэтому меня так быстро пригласили на роль. И это был единственно правильный выбор (смеется).

— А говорят, за вас президент Франции Ширак просил.

— Мы с Шираком над этим долго смеялись. Я хорошо знаком с его семьей, не раз был у них в гостях. Представить, чтобы он просил продюсеров взять меня на роль — это смешно. Знаю, что, когда режиссер приезжал в Париж для подготовки к съемкам, президент встречался с ним и говорил обо мне, — но не больше чем как об актере. Тем более на тот момент я уже был утвержден на роль и даже подписал контракт.

Никакого послания в «Код да Винчи» нет

— Что больше всего запомнилось во время съемок?

— Ночной Лувр, хотя и подозреваю, что это звучит банально. Находиться в нем ночью, когда он пуст, — это было волшебство. Мы могли слышать собственные шаги, отдающиеся эхом в длинных коридорах. Днем Лувр кипит, словно мура-

простой и умный человек. А с какой скоростью перевоплощается. В считанные минуты. Ра-а-аз — и нет больше Тома Хэнкса, а есть профессор Роберт Лэнгдон, которому удалось меня надуть. С ним было легко работать: Хэнкс прекрасно знает, где он, кто он и что должен делать.

— Многие рассматривают «Кода Винчи» как очередное послание человечеству, подобно «Матрице».

— Никакого послания в нем нет. Сегодня в кинематографе мало таких фильмов, какие делали Чарли Чаплин и Стенли Кубрик. Если ко мне приходит кто-то и говорит: «У меня есть фильм, несущий важное сообщение зрителю», — я смеюсь над этой претенциозностью. Если у человека не возникает желания выйти из зала

до окончания фильма — уже хорошо. Такие фильмы я хочу видеть и рад сниматься в них.

На нервной почве подхватил герпес

— Сегодня вы самый востребованный французский актер в Голливуде. Обошли даже Катрин Денев и Жерара Депардьё. Вы к этому осознанно шли?

— Нет, но я люблю сниматься с американцами. Впрочем, так же, как с французами или актерами других стран. Полагаю, у актера не должно быть границ в выборе, где играть и делать свою карьеру. Мне повезло, что я говорю на многих языках и провел свое детство в разных странах. Это научило меня не бояться неизвестного или быть иностранцем. В Париже, Лондоне или Нью-Йорке — везде чувствую себя в своей тарелке. В нашей профессии есть одна издержка — ты не можешь быть обычным человеком. Рядом с тобой всегда есть люди, которые открывают тебе дверь машины, заказывают для тебя столики, бронируют номера, покупают билеты и много что еще. Ты больше не ходишь к любимому пекарю и не покупаешь газеты в местной лавке. И мне вот таких мелочей не хватает.

— Может, стоит тогда забыть о суетливом Голливуде? Ведь денег вы уже достаточно заработали.

— Дело не в них. Конечно, я достаточно заработал, но не стоит измерять все деньгами. Просто я хорошо делаю свою работу — и она сообразно этому вознаграждается. И зачем мне бросать то, что люблю? Гораздо интереснее попробовать нечто новое. Например, осенью собираюсь играть на сцене одного из парижских театров. Удалось же мне поставить оперу во время Олимпийских игр в Турине. Руководить шестьюдесятью людьми в хоре было для меня большим стрессом, который обернулся тем, что вылез герпес, которым с детства не болел, а тут на нервной почве он дал о себе знать. Все обошлось, и даже вылилось в желание снова попробовать себя на сцене. Надеюсь, получится.

■ Ольга Ларионова.
Канны - Париж.

...а с Одди Тоту — в Каннах